

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 34. Буэнос-Айрес, май 2017

Макроистория России

Макроистория

Анализ политики и политических событий невозможно отделить от истории. В конечном итоге, политический анализ всегда превращается в анализ исторический, ибо политические события происходят в рамках истории. В свою очередь, политическая интуиция требует общей исторической интуиции, как на это указывает Ортега-и-Гассет в труде *«Мирабо или политик»*. Из этого можно вывести заключение, что изучение политики включенно в изучение истории. Но тогда встает вопрос: какие предметы составляют область исторических изучений?

Арнольд Тойнби, в самом начале введения в свое многотомное *«Исследование истории»*, задает себе именно этот вопрос: *«Что составляет область исторического исследования?»*. В конце этого же введения он отмечает: *«Предметом исторического исследования не является ни национальное государство, ни (на другом конце шкалы) все человечество в целом, но некое человеческое сообщество, которое мы называем Обществом (или Цивилизацией)»*. В следующей главе Тойнби перечисляет эти Общества или Цивилизации (с большой буквы) и насчитывает за всю историю человечества девятнадцать таких Цивилизаций (по другому подсчету, он доводит это число до двадцати одной Цивилизации). *«В современном мире мы можем распознать безошибочно присутствие по крайней мере пяти из них»*, – говорит Тойнби. Кроме **Западной цивилизации**, он перечисляет: **Христианскую православную цивилизацию, Исламскую цивилизацию, Индусскую цивилизацию и Дальневосточную цивилизацию**. При этом он отмечает, что *«Запад, в борьбе за свое существование, припер к стенке современные ему цивилизации и запутал их в сетях своего экономического и политического превосходства, но еще не отнял у них их отличительных культур»*. Получается, согласно Тойнби, что настоящими «делателями» или «агентами» истории является незначительное число «Цивилизаций», которые находятся в **борьбе** между собой. Только не совсем ясно, как нужно понимать «отличительные культуры» этих Цивилизаций и какое отношение имеют первые к последним.

Не вдаваясь в разбор всей историософской теории Тойнби (являющейся лишь звеном в ряде таких теорий), можно, однако, воспользоваться выработанными ею понятиями ограниченного количества цивилизаций, представляющих собой «поле изучения истории». Борьбу между ними можно определить как **макроисторию**, то есть **большую историю**, в рамках которой и происходит вся история человечества.

Если подходить к этим вопросам со стороны политического анализа, сразу же встает необходимость уточнения, какое место в этой общей борьбе между отдельными цивилизациями занимает борьба политическая. Больше того: необходимо уточнить соотношение между политикой и остальными составными частями этих цивилизаций, в том числе их **«отличительными культурами»**, по терминологии Тойнби. Исходя из того,

что Тойнби делает различие между «цивилизациями» и «культурами», также встает необходимость определения этих понятий, для их размежевания. Несомненно, что каждая цивилизация обладает какими-то определенными **специфическими ценностями**, совокупность или система которых и является тем, что Тойнби называет «отличительной культурой». Каждая такая **«отличительная культура»**, в свою очередь, обладает **предохранительной оболочкой** экономического и политического характера.

В этом смысле, можно себе представить приблизительно такую модель: каждая цивилизация является своего рода плодом, состоящим из плодовой косточки со своим ядром, окруженной мякотью, в свою очередь заключенной в кожуру или скорлупу. Или своего рода яйцом, в котором скорлупа содержит белок, в белке находится желток, а в желтке – зародыш. Кожура или скорлупа цивилизации, это ее государственные и юридические формы, мякоть или белок это экономическая, техническая и научная области, косточка или желток это система высших духовных, этических и эстетических ценностей, в то время, как ядро или зародыш – это центральная идея всей цивилизации.

Исходя из такой модели, можно попытаться определить политику, **как сумму всех акций той или иной цивилизации, направленных на сохранение и утверждение собственной шкалы (системы) ценностей**, образующих её хребет или сердцевину, вместе с центральным идейным ядром. В конечном итоге, борьба между цивилизациями, о которой говорит Тойнби, является суммой действий или противодействий между отдельными цивилизациями, направленными на сохранение собственных или на уничтожение, или изменение, чужих культурных ценностей. Эта борьба и есть **политика**. Или, другими словами, **политика – это сумма действий, направленных на сохранение или изменение отличительных культурных ценностей цивилизаций**. Посему **политика важнее простой администрации**, так как администрация государства может быть нейтральной по отношению к культурным ценностям.

В этом смысле, соотношение между политикой и культурой может быть двух видов. Если отличительные культурные ценности той или иной цивилизации подвергаются естественному развитию, или даже резким мутациям, но тоже в результате внутреннего развития, то государственная или политическая оболочка этой цивилизации со временем приспосабливается к этому развитию или к этим мутациям. Однако могут происходить и обратные процессы, когда политические изменения предшествуют изменениям культурным, и даже когда с государственных позиций подстрекаются **культурные мутации**, с тем или иным успехом. Поскольку в последнем случае политические изменения не зарождаются в недрах собственной культуры, то можно предполагать, что они исходят, так или иначе, из других культур, стремящихся, «в борьбе за свое существование», говоря словами Тойнби, припереть другие цивилизации к стенке, запутать их в своих экономических и политических сетях и даже, если возможно, отнять или уничтожить у них их отличительные ценности.

Первый путь, путь **внутреннего развития**, можно назвать **эволюционным**, а второй путь, путь захвата внешней оболочки с целью дальнейшего изменения самого содержания культуры, можно назвать **революционным**. По существу, этот революционный путь является самой агрессивной формой борьбы между отдельными культурами, так как, в конечном итоге, его целью является не развитие общей человеческой культуры через плюралистическое взаимодействие отдельных ее «отличительных ценностей», а прямое уничтожение тех или иных ценностей. Это, в свою очередь, свидетельствует о **комплексе малоценности** тех культурных (или антикультурных) позиций, с которых происходит запуск революционных акций для овладения государственной оболочкой той или иной цивилизации, с целью, на следующем этапе, приступить к уничтожению её отличительных ценностей. Ведь в таком случае налицо попытка избежать взаимодействия между разными культурными отличительными ценностями из-за неуверенности в собственном превосходстве. Для иллюстрации, этот революционный путь можно сравнить с действием антибиотиков, повреждающих оболочку бактерий, делая ее водонепроницаемой, с целью

взрыва всей клетки изнутри путем ее наводнения. Или с действием вирусов, проникающих через оболочку клетки к самому ее ядру для того, чтобы **навязать** этому ядру свою **собственную программу**.

Эволюционный путь развития цивилизации, **когда перемены культурных ценностей предшествуют государственным переменам**, можно проследить на примере нашей «отцовской» (по Тойнби) цивилизации. Когда греческая культура столкнулась с восточными культурами, в результате сначала персидских войн, а затем завоеваний Александра Македонского, она в процессе плюралистического взаимодействия подверглась их влиянию и одновременно оказала на них свое сильное влияние. Синтезом этого процесса явилась эллинистическая цивилизация, получившая государственное оформление в ряде эллинистических государств, а затем и в рамках римской империи. «Отличительные ценности» этой цивилизации имели ядром греческую (эллинскую) «педию» (культуру), понимаемую как **«непрестанное усилие для того, чтобы достичь мудрости и познания, в результате высшего воспитания и культуры.»** (Werner Jaeger, "Early Christianity and Greek Paideia". Цитата по испанской версии: "Cristianismo primitivo y paideia griega", 1965, México, pág. 94). Однако, в этом процессе взаимодействия разных культурных ценностей оказалось, что в греческой культуре к этому моменту уже зияла большая пустота на том месте, которое раньше в ней занимала прежняя греческая языческая религия. Одновременно, в других встречных культурах была сильная тяга к удовлетворению религиозных потребностей иррационального характера. Греческая «педия» основывалась, главным образом, на греческой классической литературе, консервативно сохранявшей, как и греческая философия, традиции **«дорациональных пластов греческого мышления»**. Для преодоления этого противоречия между скептицизмом по отношению к греческой языческой религиозности и консервативным сохранением её «дорациональных» традиций, нужно было прибегать к аллегорическому толкованию этих традиций. Но этого было мало. **«Никакой чисто формальный классицизм не мог спасти эту древнюю греческую цивилизацию. Причиной ее выживания, как единого целого, было то обстоятельство, что она включала Платона. Без него остаток эллинской культуры мог бы умереть, вместе со старыми олимпийскими богами»** (там же, стр. 67). Однако, имеется в виду не рационалистический Платон, сформулировавший первую стройную досоциалистическую утопию, а Платон, увидевший в своем последнем труде «Законы», что **«Логос это то золотое звено, при помощи которого соединяется Законодатель и Учитель со своим творением»** (там же, стр. 97).

Питирим Сорокин классифицирует все цивилизации на три типа, которые для краткости можно обозначить как трансцендентальный, чувственно-материалистический и промежуточный. Греческая цивилизация принимала, в разное время по-разному, все три ориентации. Софист Протагор четко сформулировал программу чувственного, не трансцендентального гуманизма: **«человек – мера всех вещей»**, превращая воспитание, «педию» во что-то относительное. Платон поворачивает вспять эту формулу, заявляя в «Законах», что **Бог является мерой всех вещей**. Источником «педии» является в конечном итоге Бог, так как **«Бог является педагогом всего мира»** ("Ho Theos paidagogei ton kosmon", X, 897 b). Именно этот последний аспект эллинской «педии» стал в эллинистической цивилизации связующим звеном с другими восточными культурами, и в первую очередь с еврейской. Например, Филон Александрийский (р. 25 до Р. Х.) толкует «идеи» Платона, как **мышление Бога**, и формулирует собственную доктрину Логоса, как «место» этих идей и как посредника между Богом и миром.

С появлением **христианства в рамках эллинистической цивилизации и римского государства**, начинается процесс становления **христианской педии**. Климент Александрийский отмечает, что по отношению к христианской педии, имеющей трансцендентное происхождение, прежняя «педия» становится «пред-педией», имеющей человеческое происхождение. Интересно, что уже апостол Павел, в своей проповеди грекам в афинском ареопаге, ссылается на **«некоторых из ваших стихотворцев»**, которые говорили

про Бога **«Мы Его и род»** (Деян. 17, 28). В неканонических «Деяниях апостола Филиппа» автор влагает в уста этого апостола, тоже в Афинах, следующие слова: *«Я пришел в Афины, чтобы открыть вам "педию" Христа»*. Через несколько веков Григорий Богослов говорит о Библии, как о «педие» христиан, а цитируя пророков, например пророка Исаию, он не выражается «пророк говорит», а употребляет глагол производный от слова «педия»: *«пророк (или апостол) нас наставляет»* («*paideuei*»).

В результате этого превращения греческой культуры в эллинистическую, греческий полис был заменен эллинистическими царствами, а затем римской империей. В результате появления и распространения христианства, римская языческая империя преобразилась в римское христианское государство, а затем в православную Восточно-римскую (Византийскую) Империю, которая передала по исторической эстафете свою систему ценностей Всероссийской Империи. Это и было политическое приспособление государственных форм к эволюции культурных ценностей.

Когда в Западноевропейской цивилизации (одной из дочерей-близнецов греко-римской цивилизации, по Тойнби) происходит реакция против унаследованной трансцендентной ориентации, с переходом на рационалистическую и сенсориально-материалистическую ориентацию, в свою очередь начинают постепенно меняться и государственные оболочки. В результате этих процессов, не только начинают преобладать в Западном мире лаические, агностические и даже атеистические государства, но и происходит всеобщая революционная агрессия против христианской православной цивилизации, сохраняющей трансцендентальную ориентацию своей «отличительной культуры». Эта агрессия направлена хронологически в первую очередь против защитительной политической оболочки этой цивилизации.

Что касается «политических и экономических сетей», которыми, согласно Тойнби, Западная цивилизация «опутывает» свою восточную сестру, то эти сети сотканы главным образом из отвлеченных рационалистических домыслов и замыслов. Воцарение человеческого разума, как высшего идола новой ориентации, привело к созданию социалистических идеологий, претендующих на тотальную регламентацию хозяйственной жизни, как это досконально показал А. П. Федосеев. Так называемая социализация средств производства, включая землю, основывается на отчуждении этих средств от реальных и конкретных людей, с передачей их абстрактному «народу». Параллельно, высшая политическая власть в государстве тоже передается абстрактному «народу». Из этих **двух абстракций** и сотканы те **«политические и хозяйственные сети»**, о которых говорит Тойнби. На самом деле, эти абстракции лишь прикрывают монополистическую **узурпацию** политической и экономической власти политическими и экономическими монополиями государственного, партийного или частного характера. Разница между двумя под-системами Западной цивилизации (социализма и капитализма) в конечном итоге сводится к разнице между типами экономической и политической монополии. Конечно, атеистический социализм является самой агрессивной формой «припираания к стенке» нашей христианской цивилизации, переродившейся и выродившейся Западной цивилизацией. Весь социалистический эксперимент, в конечном итоге, имеет своей целью разрушить и уничтожить все отличительные ценности нашей культуры, в первую очередь духовно-религиозного характера. Трагедия для Западной цивилизации заключается в том, что ей уже **нечем заменить** разрушаемые ею ценности. В этом, самом главном аспекте культуры у нее нет превосходства. Однако, осталась еще одна, может быть единственная, общая позиция, с помощью которой можно искать **нового синтеза**. Это **общая правовая традиция**, уходящая своими корнями в первую очередь в трансцендентальное синайское законодательство ветхозаветного Израиля, а затем в «номос» греческого полиса и в римское право. Преодоление социализма в России должно идти не через демократизацию, а через восстановление правового строя и всех других разрушенных ценностей.

(«Наша Страна» № 1915, от 11 апреля 1987 г.).

Коренная идея России

Без корня и полынь не растет.
(Русская народная поговорка)

Каждый народ обладает некоторыми частными, только ему в такой степени присущими, особенностями. Несомненно, что эти особенности связаны с предыдущими, скажем, родовыми характеристиками его донародного бытия. Но, как учит нас история (по крайней мере, история большинства исторически активных народов), процесс перехода донародного и догосударственного бытия на высшую ступень государственности всегда связан с появлением какой-нибудь новой специфической идеи, имеющей объединяющий и направляющий характер. Таким образом, при всяком органическом становлении государства можно наблюдать, наряду с сохранением прежних особенностей, появление новых центральных идей.

Если взять, как пример, становление римского государства (пример особенно удобный с исторической точки зрения, потому что, как говорит Ортега, историю Рима мы знаем довольно хорошо от начала и до конца, в то время, как в других случаях мы не знаем хорошо или начала, или конца, потому что конец еще не наступил), то мы видим, что в Риме сохраняются многие общелатинские характеристики, но одновременно появляются совершенно новые цели и особенности. Например, даже полностью сохраняются многие политические термины, как, скажем, те же «рекс» и «диктатор» (диктатор был народным военным вождем соседних с Римом латинских племен). Но, при новых задачах, их функции становятся существенно иными.

При этом необходимо отметить и привхождение чуждых, но географически доступных элементов, действующих аналогично катализаторам в процессе политической кристаллизации новых государств. Например, в том же Риме такими элементами были элементы этрусские, сильно повлиявшие не только на церемониальную и символическую сторону политической жизни нового государства (ликторы, курульное кресло и т. д.), но и на характер многих общественных учреждений (жреческие коллегии, авгуры и т. д.).

Несмотря на эти прежние собственные этнические элементы и на заимствованные чуждые элементы, все они ориентируются в согласии с **новой идеей** самого Рима, в свете которой они и принимают новый, специфически римский характер. Не входя в описание и разбор самой этой идеи, можно лишь отметить её две важные составные части: особенно развитое **правосознание** и **тенденция к «включению»**. Идея «включения» (Моммзен употребляет греческое выражение «синекия») обозначает, что потенциально все соседи, ближайшие и дальние, **могут включиться в римскую civitas, то есть в римское право**. Так оно и случилось, когда в 212 году, при императоре Каракалле, все свободные жители Римской империи стали римскими гражданами. (Но уже за полтора века до этого апостол Павел говорил о своем римском гражданстве). Это включение предполагало расширение государства: urbs должно было превратиться в orbis, город во вселенную, Рим в Pax Romana. Именно от этой последней идеи и ведут свою генеалогию – хотя бы частично – все современные идеи универсальности и экуменичности в мире. Однако, в Риме эта идея заключала в самой себе и свое собственное противоречие: безграничное включение (и расширение) невозможно и ведет к гипертрофии и саморастворению, что и было историей подтверждено.

В Греции процесс государственного становления тоже шел по линии преодоления родовых отношений, как об этом свидетельствует та же «синекия» афинских родов, но центральная идея этого становления ни в Афинах, ни в Спарте не включала в себя идею всеобщего включения и не доходила до идеи надплеменного объединения. Наоборот, как в Афинах, так и в Спарте преобладало стремление к сохранению частной этнической специфики, и это сохранение понималось как сохранение самобытности. Посему в Греции и

не возникло общегреческое государство: общегреческий, панэллинский идеал носил надгосударственный характер, проявлявшийся главным образом в области духовной и физической культуры. (Ярчайшим выразителем этого неполитического единства были олимпийские игры, проводившиеся каждые четыре года). Существенной частью центральной эллинской идеи было сознание внутренней связи между понятиями добра, красоты и истины: «*Посему, если только с одной идеей мы не можем схватить добро, беря его тремя, красотой, мерой и истиной, мы скажем... подобная смесь будет добром*». (Платон, Фил., 15, 64-5). Идея общего политического объединения приносится в Грецию из Македонии, а затем из Рима, но эта идея никогда не принимает чисто греческого характера, даже в Византии. По крайней мере, до времён освобождения Греции от турок в XIX веке.

Центральная идея Израиля ярко и многогранно выражена в Пятикнижии Моисея и в остальных книгах Ветхого Завета. Эта идея может быть выражена одним единственным словом: **Закон**. Вокруг этой коренной идеи и происходила историческая эволюция израильского народа и государства, вплоть до наших дней. Сознание существенной важности «**корней**» было всегда живо в еврейском народе, вплоть до того, что сама необходимость корней возводится в принцип. (В Аргентине даже выходил еврейский журнал под этим названием: «**Корни**», в котором был отдел: «**Корни корней**»).

Таким образом, высшая форма человеческого общежития – политическая или государственная жизнь – требует для своего зарождения и дальнейшего существования наличия объединяющей и **ориентирующей коренной идеи**. Достоевский по этому поводу говорит: «*При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических...*» («Дневник писателя», 1880 г.).

Эта коренная идея может иметь сложный и многогранный характер, несмотря на ее гомогенность и компактность. Она также содержит в самой себе пределы для своего развития, переходя которые, заложенные в ней противоречия заостряются и могут привести к ее вырождению или гибели. Однако, в данном случае, никакой детерминизм неприменим, тем паче претендующий выразить в цифрах историческую длительность её жизни, как это пытались делать некоторые историософы. Мы высказывали предположение, что зародышем или **сердцевинной** каждой такой идеи, или вообще каждой культуры, является **религиозная идея** и что, в конечном итоге, вся история сводится к **борьбе разных религиозно-мировоозренческих идей** между собой (иногда, в наши дни, часто камуфлирующихся под идеи антирелигиозные). Хотя каждая из них и облечена в многослойную оболочку, начиная от духовно-культурной и кончая юридически-политической.

Однако, такая коренная идея никак не может сохраняться абсолютно неизменной в ходе истории. Больше того, именно **творческое приспособление** такой идеи к изменяющимся историческим обстоятельствам является необходимым условием для сохранения её жизненности. В этом отношении применима теория Арнольда Тойнби, затем уточненная Ортегой, об исторических **вызовах** и исторических **ответах**, сумма которых и составляет как бы собственный капитал каждой культуры. Именно от степени удачности разрешения выдвинутых историей проблем зависит судьба каждой культуры, каждого народа и каждого государства. Если в геронтологии применяется определение старости, как **потеря способности приспособления к окружающей среде** (физической, психофизиологической и общественной), то – по аналогии – можно утверждать, что и жизненность каждой государственной идеи зависит от её способности приспособления к исторической среде. Границы для этого приспособления даны, с одной стороны, в виде окаменения, петрификации, а, с другой стороны, в виде перерождения, метаморфозы.

Первым, в хронологическом порядке, элементом русской коренной идеи было стремление к объединению восточнославянских племен для лучшего **сохранения своего быта**, то есть свободы, от внешних и внутренних угроз. Само по себе объединение как таковое ведёт к концентрации своих внутренних сил по отношению ко всем внешним

силам, что в результате обеспечивает не только самостоятельность и независимость, но и внутреннюю самобытность, свой быт, то есть **свободу**. Свобода, как на это впервые указал Алексей Хомяков, и есть свой быт. Это стремление к самобытности, обладающее невероятной инертной силой, является одним из важнейших признаков свободолюбия русского народа, никак не замечаемого многими наблюдателями, по злобе или невежеству.

Одновременно, другой целью объединения было стремление к достижению **справедливых порядка и суда**, в согласии с уже существующим правом, выработанным тем же бытом. (*«Реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву»*). Обе задачи, вставшие перед нашими предками в середине девятого века, были ими разрешены ясно и категорически: только надродовая, надсословная и вообще надгрупповая верховная государственная власть может обеспечивать собственный быт, то есть свободу, через силу вовне и применение права внутри.

Для правильного толкования зарождения русской государственности необходимо иметь в виду функциональное и принципиальное **разграничение государственной власти на власть верховную и на власти управительные**. Заслуга великого русского государствоведа Льва Тихомирова заключается в том, что он впервые определил теоретически это разграничение, без которого невозможен полный анализ политической истории. Существенный смысл начала русской государственности в Новгороде, условно отмечаемый 862 годом, заключается в том, что с этого момента была провозглашена **единственно легитимная общая верховная власть**, для всех объединяющихся русских племен. Эта верховная власть не имела с самого начала задачу исполнять также и власть управительную: для этого продолжали существовать посадники, тысяцкие и другие выборные начальники, а также и городские советы, в которые входили все действительные и все «старые» (то есть отслужившие свой срок) начальники. Таким образом, управление продолжало по сути быть **самоуправлением**. Наряду с этим самоуправлением, сохранялось и прямое **участие всех граждан в решении особо важных государственных вопросов**, через институцию **веча**. Для верховной власти отводилась функция судить **«по праву»**. Эта функция является самой существенной, так как даже функция военного водительства имеет скорее профессиональный характер, несмотря на то, что верховная власть объемлет несомненно также и верховное командование.

Если управительные власти могут быть сложными, в зависимости от условий, то верховная власть в принципе должна быть простой, однородной и очевидной. Такой властью и была верховная власть по своему замыслу с самого начала на Руси. Ее принципиальная легитимность и трансцендентность по отношению к обществу были проявлены одновременно с перенесением столицы Русского государства из Новгорода в Киев: не сам малолетний Игорь претендует на княжескую власть, а делает это за него и для него власть управительная, в лице Олега. Дело не в практической возможности, а в **принципе**, то есть **начале**. Верховная власть выводит свою законность, легитимность из этого начала: принадлежность лишь к одному единственному роду дает право судить по праву и стоять в этом отношении над всеми родами, племенами, территориями, сословиями и вообще группами. Это единоначалие и есть **монархия**, а исторический путь России с самого начала есть путь монархический. Начало этого пути тесно связано с самим именем России. В записках императора Константина Багрянородного имеется заметка, что **в 945 году** им была отправлена грамота с заглавием: **«от Константина и Романа, христолюбивых царей, Ингору, правителю России»**. А супруга Игоря, святая Ольга, на иконах именуется **«мегале архонтиса тон Росиас»**, «великая княгиня российская».

Таким образом, если наше государство началось на севере, в Новгороде, то уже при сыне первого князя его политический центр переносится на юг, в Киев. Новгород-Киев и есть та ось, вокруг которой развилось наше государство в своих зачатках. Но кроме этих двух кардинальных направлений, сразу же выступает и третье направление, образуя треугольник: север-юг-восток. Однако, степь вскоре отрезает, а затем и ликвидирует наше первое направление на юго-восток: Тьмутараканская, Сурожская Русь вскоре выпадает

надолго из этой первой геополитической фигуры нашего государства. Вскоре это первое направление на юго-восток станет **направлением на восток**. Суздальская Русь, сначала с центром во Владимире, а затем в Москве, окончательно устанавливает направление России на Восток, приведшее ее потом, через Сибирь, к Тихому океану, в будущем **новому средиземному морю всего человечества**. В трёх столицах России – Новгороде, Киеве и Москве – были заложены основные геополитические фундаменты нашего государства, Санкт-Петербург был лишь попыткой создания современного эрзаца для Великого Новгорода. Поэтому и мощи святого великого князя Александра Невского были перенесены в Санкт-Петербург.

Крещение Руси при Святом Владимире, внуке святой Ольги, выводит новое государство на вселенский путь. Не только потому что Русь становится Россией, единым митрополичьим округом Вселенского Константинопольского Патриархата, но и потому что завершается оформление, по свободному выбору, **трёхгранной коренной идеи**, души новой зарождающейся нации:

Православная вселенскость дополняет **самобытность** и дает прочное основание, почву, и для **вселенскости политической**: не сходя со своего собственного пути, **Русь становится полноценной, но самобытной частью тогдашнего мира**.

Единоначалие в соборности освещается новым светом и приобретает новое, более глубокое значение.

Стремление к **справедливости через право** (с-праведливости) обогащается новооткрытой **связью права с Законом**.

В будущем, всякое отступление от любой составной части этой тройственной коренной идеи будет чревато катастрофическими последствиями.

(«Наша Страна» № 1861, от 29 марта 1986 г.)

К 1025-летию Крещения Руси

В этом 2013 году исполняется 1025-летие крещения Руси Святым Равноапостольным великим князем Владимиром. Православная Церковь отмечает день Святого Равноапостольного великого князя Владимира, по православному церковному календарю, 15 июля (28 июля, по современному гражданскому календарю).

Святой Владимир родился в 963 году и скончался 15 июля 1015 года. Летописец поведствует, что князь Владимир, прежде чем креститься, основательно исследовал многие религии: мусульманскую, иудейскую, латинскую и, наконец, греческую. Согласно преданию, он лично принимал у себя представителей разных вероисповеданий, а затем также послал своих послов объехать их страны, чтобы получить более полную информацию из первоисточников.

Летописец и другие авторы, через несколько десятков лет после смерти Святого Владимира, постоянно подчеркивают всеохватывающий, упорный, настойчивый план крещения всей Руси и всего русского народа, породившийся волей Святого Владимира. В похвальном слове, мних Иаков многократно повторяет: *«Крести же всю землю русскую от коньца и до коньца». И всю землю русскую исторже из уст диаволь и к Богу приведе и к свету истинному». А по выражению митрополита Илариона, первого киевского митрополита из русских, «труба апостольская и гром евангельский огласили все города, и вся земля наша в одно время стала славить Христа».*

Что представляла из себя эта «вся земля наша»? Это видно из распределения епископских кафедр при Святом Владимире, на тогда единой Руси. Это распределение крестообразно: с юга на север, и с запада на восток. На дальнем юге унаследована от древности епископская кафедра в Тмутаракани, на азовско-черноморском Предкавказьи (по-гречески «Таматарха», нынешние Тамань и Темрюк). На севере основывается епископская кафедра в Новгороде, куда в 991 году святой Владимир послал первого

новгородского епископа Иоакима. На западе основывается кафедра во Владимире Волынском, а на востоке, в Суздальской Руси, святой Владимир устанавливает первую кафедру в Ростове. Ростов лежит восточнее Москвы, так что утверждения, что Суздальская или Московская Русь якобы не были причастны к акту крещения всея Руси Святым Владимиром – не соответствуют исторической правде. Да и столица Суздальской Руси – Владимир, основывается при святом Владимире и называется его именем. Так возникла Русская Церковь.

Это установление кафедр на «всей Руси», святой Владимир подкрепляет также и назначением своих сыновей на городские княжения, тоже по всей «земле русской»: в Тмутаракани, Владимире Волынском, Турове, Пскове, Полоцке, Смоленске и опять же в Суздальской Руси, в Муроме, еще восточнее Ростова. Так что, «крещение Руси» при Владимире Святом достигло всех областей нашей страны, о чем и свидетельствует летописец: *«Крести же всю землю русскую от коньца и до коньца».*

Эту «землю русскую», со всеми установленными на ней святым Владимиром епархиями, образующими один митрополичий округ, в Константинополе называют «Россия». Другими словами, историческая Россия – это соборная совокупность Киевской Руси, Новгородской Руси, Суздальской Руси и Тмутараканской Руси, то есть «всая Руси». Это имя значится на многих византийских документах, иногда с одним, а иногда с двумя «с». Например, при патриархе Николае Грамматике в 1092 году и при патриархе Иоанне в 1107 году. Иногда слово Россия становится частью имени греческого митрополита на Руси, например «Михаила Русского» (Михаил Росияс), упоминаемого в 1171 году. А «Бабка» Святого Владимира на греческих иконах именуется: «Святая Ольга, Великая Княгиня Российская» (Агия Ольга, Мэгалэ Архонтиса тон Росиас). На Западе Римская Церковь употребляет это же самое слово, только через «у»: «Россия». Таким образом, имя «Россия» обозначает со времён Владимира Святого форму и содержание новой духовно-культурной единицы, продолжающей существовать и сегодня, через тысячу с лишним лет, несмотря на разные мутации в её государственной оболочке.

Кроме 1025-летия Русской Церкви, одновременно мы отмечаем также и становление Святой Руси, той золотой цепи святых Русской Церкви, которая началась еще до Крещения Руси, с Бабки Святого Владимира – Святой Ольги, а затем, уже при самом Святом Владимире, до его преобразования, с первых мучеников нашей Церкви, святых варягов Федора и Иоанна. На месте их казни, святой Владимир воздвиг впоследствии величественный храм во имя Богородицы, в память своего крещения, так называемую Десятинную Церковь в Киеве. Эта золотая цепь не оборвалась и во время временной формальной ликвидации государства святого Владимира. Наоборот – с этого момента она увеличилась до невиданных доселе в истории христианства размеров. Если Россия – совокупность всея Руси, то в эту совокупность входит также и Святая Русь, Собор всех святых в земле россиястей просиявших.

Глубокий исторический смысл акта Крещения Руси был отчетливо и выпукло истолкован митрополитом Иларионом, уже во времена великого князя Ярослава Мудрого, сына святого Владимира. В своем «Слове о законе и благодати», через полвека после крещения, он пишет о русских князьях: *«Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля».* Значит, уже тогда, тысячу лет тому назад, наша страна – земля русская – была «не худа», но «ведома». Митрополит Иларион, как и летописец, проводит мысль о равенстве всех народов пред Богом, благодаря христианству, ибо Закон Ветхого Завета замыкал правильную веру в одном народе, но благодать Нового Завета приобщает все народы к Богу. Все народы равны, но новые народы даже имеют некоторое преимущество перед старыми, то есть не только перед Древним Израилем, но и перед Римом и Византией: *«Лепо бо бе благодати и истине на новыя люди въсияти, не вливают бо – по словеси Господню – вина нового, учения благодатна, в мехи ветхи... но новое учение, новы мехи, новы языки, новое и съблюдется, якоже и есть».*

В результате крещения Руси Святым Владимиром, начиная с самого момента этого исторического события, возникает и русская культура. На Русь, вместе с христианской верой, приходит христианская культура из Византии, которая, в отличие от тогдашнего Запада, сохраняла культуру античного мира. Приходят на Русь в организованном порядке не только все искусства и технологии тогдашней передовой цивилизации, но также и сам литературный язык. Известный русский богослов в Эмиграции, о. Георгий Флоровский отмечает: *«Славянский язык сложился и созрел именно в христианской школе и под сильным влиянием греческого церковного языка, и это был не только словесный процесс, но именно сложение мысли»*. Посему, в Русском Зарубежье день Святого Владимира отмечался как день Русской Культуры. Особенно торжественно были отмечены РПЦЗ во всем мире в 1938 году 950-летие и в 1988 году 1000-летие крещения Руси. При этом нельзя упускать из виду, что в Русской Эмиграции никогда не было расчленения исторической Руси на части.

Известный мыслитель Русского Зарубежья, архимандрит Константин, в миру профессор К. Н. Зайцев, считает, что Святой Владимир *«разрешил вопрос: возникнуть России или не возникнуть... Наставал момент религиозного самоутверждения Руси в сложном переплёте вероисповедных воздействий, которым она была открыта. Дать миру блестящий, но эфемерный эпизод Святославовой завоевательно-героической эпопеи, а затем растворится в качестве этнографического материала среди соседних миров в чуждых религиозных стихиях, или найти себя, найти свой самобытный духовно-национальный облик и тем самым начать жизнь нового культурно-исторического мира, обособленного от миров соседних, вот какая дилемма стояла перед Русью в лице Владимира.»* (Киевская Русь. Шанхай, 1949).

Это была не только историческая дилемма того момента, но существенная дилемма Руси всех времён: времён Святого Владимира, времён Святого Александра Невского, а также и наших времён. +

(«Под Южным Крестом» № 32. Июль 2013.)

Пути и распутия Руси

Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и распросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему.

(Иерем. 7,16)

Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды. Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла.

(Притч. 4, 26-27)

Достижение политического единства на всей территории Руси шло двумя путями: через единство Русской Церкви и через единство Рюрикова рода. *«Церковь создала единство Русской Земли»*, сказал Хомяков. Это произошло прежде всего в форме внешней: церковная иерархия объединяла Русскую Землю, независимо от политического её раздробления и вопреки ему. *«Что бы ни делалось на Руси, она оставалась Россией – единым и неделимым митрополичьим округом Константинопольского патриархата»*. (Проф. К. И. Зайцев, впоследствии архимандрит Константин. «Киевская Русь». Шанхай, 1949, стр. 186). Одновременно члены Рюрикова рода олицетворяли верховную государственную власть на всей русской территории. Увеличивающееся число этого единственного рода функционально обхватило вширь и вглубь все земли и города нового государства, и через свое перемещение с одного места на другое являло собой его единство.

Но на путях объединения Руси вскоре выступили первые противоречия. В единстве, через множество, княжеского рода заключалось и некоторое противоречие, усугубленное противоречием между славянским и половецким родовыми правами. Так, молодое государство вступило на свое **первое распустье: княжескую междоусобицу**. Единство, достигнутое на много веков раньше, чем единство других европейских наций, было поставлено под страшную угрозу, так ясно обличенную Русской Церковью и лучшими русскими людьми (например, в Летописи и в «Слове о полку Игореве»).

Эта междоусобица, хотя и была обличена, не была своевременно преодолена, как исторический вызов, что, в свою очередь, привело к невозможности удачного исторического ответа на **новый вызов: нашествие татар**. Катастрофически неудачный ответ на этот очередной вызов поставил Россию перед **двумя новыми распустьями**, каждое из которых вело к окончательной гибели: самоубийство через дальнейшее отчаянное безнадежное сопротивление или самоубийство через полную капитуляцию. От вступления на эти два распустья Россию спас святой великий князь Александр Невский. Спас он Россию также и от **третьего губительного распустья: западнического пленения**, через онемечивание и латинизацию. Именно поэтому святой Александр Невский – самый популярный русский великий князь, наряду со святым Владимиром. Его младший сын, Даниил Александрович, стал первым московским князем и родоначальником московских великих князей и царей.

При внуке святого Александра Невского, Иване Даниловиче Калите, начинается кропотливая эпопея **«собрания земли русской»** Москвой. Недостаточно обращается внимание на историческую роль в этой эпопее Русской Церкви. Три святителя, три главы Русской Церкви, воынец Петр, грек Феогност и москвич Алексей, окончательно закрепляют и утверждают официальный перенос столицы русского государства в Москву. Государственный центр тяжести, уже раз перемещенный с севера на юг, из Новгорода в Киев, еще раз перемещается, на этот раз на восток, в Москву. На путях этого нового объединения земли русской и разрешается проблема татарского ига. Духовный подъем, необходимый для этого, опять же стимулируется Церковью: без святого Сергия Радонежского немыслима Куликовская битва, начало конца татарского ига. Но на этих же путях ожидают Россию **искушения новых распутий**. Титанические усилия для **освобождения через объединение** заставляют Московскую Русь **замкнуться** и концентрироваться в самой себе. Это усугубляет **отрыв от вселенскости**, вызванный татарским пленением. К тому же Запад, оторванный расколом от Восточных Православных Церквей, занимается **блокадой России** и лелеет снова – и не в последний раз – мечты об её **разделении**. Этот новый вызов, выражаемый в изоляции от остального мира, ведет к попыткам его преодоления, в свою очередь оказавшими влияние на вступление на новые распустья.

Тем временем Россия совершенствует свой политический строй. Прежнее городское самоуправление расширяется практически на всю землю и становится независимым от городского вечевого строя. На место этого строя, ставящего местные интересы выше общеземских, вырабатывается новый земский строй. **Земские соборы**, или **«советы всея земли»**, становятся политической формой, соединяющей в себе и **монархическое единоначалие** и **общеземскую соборность**. Земский собор объемлет и верховную власть (царя), и власть управительную (Боярскую думу с приказами), и власть совещательную (выборных от земли), и власть духовную (патриарха с освященным собором). Нет разделения на исполнительную, законодательную и судебную власти, но есть разделение между верховной, управительной и духовной властями. Духовная власть отделена от других властей, она не стоит ни над, ни под ними, но находится **в симфонии** с ними. Однако, в катастрофические или исключительные моменты она может временно исполнять также и функцию **местоблюстителя отсутствующей верховной власти**: в отсутствие царя, глава Русской церкви возглавляет «Совет всея земли», который должен состоять из

властей управительных, как военных, так и гражданских, и – хотя бы частично – из представителей от земли.

Именно такая политическая структура и спасла Россию от окончательного вступления на **гибельные распутья**, когда прекратился московский царский род Александровичей из Рюриковичей. В моменты отсутствия легитимной верховной власти в смутное время, не самозванство восстановило самодержавие России, а **«соборное самосознание»** (Карташев), выраженное юридически через **соборную земскую структуру**.

Московская ветвь Рюриковичей, имеющая своим родоначальником святого Александра Невского, не только сумела преодолеть прежнюю междоусобицу, **возвращаясь к славянскому родовому праву**, но и достигнуть снова полной независимости для страны. Достигнутое таким образом самодержавие было возвеличено и благоукрашено выходом на **великий вселенский путь православного царства**. Русский царь наследует титулы, символы и функции православных римских и византийских царей, начиная со святых Константина и Елены, что признается Константинопольским патриархом. Как Помазанник Божий, он наследует духовно также и ветхозаветных Помазанников Божиих, начиная с Царя Давида, и становится также верховным покровителем и защитником всех православных христиан в мире, а в случае необходимости преодоления расколов в христианстве и созывов вселенского собора, также и своего рода нотариусом всей вселенской церкви. **Именно это достоинство и эти перспективы навели на русскую верховную власть смертельную вражду всех врагов Христа и их сознательных и несознательных слуг**. Эта вражда и привела к мученической смерти русской царской семьи в 1918 году и к последующему «всесожжению» (голокаусту) «лучшей трети русского народа», по словам Солоухина. Однако, она же и подтвердила исключительный характер русской царской власти: **русский царь был умучен, как Помазанник Божий**. Сами убийцы это подтвердили. Врата адовы никогда не смогут одолеть полностью Церкви Христовой, но смогли временно одолеть государственную власть, просвещенную светом Христовым и призванную защищать право православных христиан жить по-православному, не мешая при этом всем другим тоже жить по-своему, в согласии с заветами Святого равноапостольного царя Константина.

К моменту усовершенствования этого политического строя в России, на основании своих собственных изначальных коренных начал, положение в окружающем мире изменилось. Запад перестал быть православным и дружелюбным, а место Византии заняла религиозно враждебная Турция. (Которая, между прочим, до сих пор продолжает жесточайше угнетать на подвластной ей территории православных, при полном безучастии всего мира). В дальнейшем, обе эти силы неоднократно соединяются против России. В этой новой обстановке восстановление прежнего положения Руси в мире уже невозможно, просто потому, что уже нет прежнего окружающего мира, а на его месте развился новый мир, в то время как Русь находилась в полной изоляции под татарами. В контексте этого нового идеологического и геополитического положения Россия – пытается преодолеть долгую вынужденную изоляцию – совершает две трагические ошибки.

Первая из них - это **церковный раскол**. При попытках восстановить полностью вселенское церковное единство во второстепенных технических вопросах, теряется внутреннее духовное единство в самой стране. Русская Церковь никогда не теряла единства в святости, вере и даже обрядах с остальными Восточными церквями. Незначительные разночтения и различия в обрядных деталях тогда были меньшими, чем сегодня. К счастью, сознание гибельного для России значения тогдашнего раскола сегодня уже становится «соборным самосознанием». Это хорошая предпосылка для его окончательного изживания. Решительные шаги для преодоления этой трагедии были сделаны в России еще в начале XX века, до Катастрофы, а затем – провиденциально – и в Русской Зарубежной Церкви. Нужно при этом иметь в виду, что – как на это указывают многие детали, вскрытые историческими исследованиями – появление у нас раскола не обошлось без провокаций извне. Необходимо понять, что **ни одно отрицательное историческое событие** в идейном

и политическом планах **не совершается без провокаций**. Символически, сама **история началась с провокации** Змием Евы, а затем Адама Евой.

Вторая ошибка, это сильное **повреждение нашего политического строя** (вернее, государственного строя) в процессе реформ, начатых при Петре Великом. Сами по себе эти реформы были нужны, не только для геополитического возврата России на свое место в мире, но и для научного и технического развития страны, после многовекового отставания, вызванного татарским игом. На этот вызов наша страна не могла не ответить, и уже начала отвечать до Петровских реформ. К сожалению, в ответ вкрались трагические противоречия. В попытках восстановления вселенскости, были частично **потеряны самобытность и соборность. Соборный строй был заморожен, симфония с Церковью повреждена**. Вместо дальнейшего органического развития наших государственных учреждений, они были просто отставлены и заменены бюрократическими нововведениями, заимствованными с абсолютистского Запада. **Вместо дополнения получилось замещение**. Так, по словам Алексея Хомякова, **Россия получила трансфузию чужой крови, и вместе с нею и чужие болезни**, от которых у нас не было выработано никакого иммунитета. Наша монархия, по словам Льва Тихомирова, была «**системой учреждений**». С их ликвидацией, сама монархия была оголена и оставлена без защиты.

В общих рамках **ослабления соборности, самобытности и справедливости** произошло смешение начал русской соборной и народной монархии с западноевропейскими принципами, в том числе и с абсолютистской монархией, затем обернувшейся либерализмом. В этом процессе **прививания чуждых начал**, наша система всеобщего служения была подменена системой привилегий одних, без обязательного служения, но за счет обязательного служения других. Эта система развилась в Западной Европе из совершенно иных, чем в России, предпосылок. Государственный строй России не был результатом завоевания одних племен другими, а развивался органически из собственного народа. У нас не было аристократии, выводившей свои титулы и привилегии из завоеваний, так как Россию не творили норманнские, вестготские, франкские или какие-нибудь иные завоеватели. Однако, это искушение все же было поверхностным, и оно никогда не стало «**соборным самосознанием**» нашего дворянства. Больше того, оно уже полностью изживалось.

Хуже обстояло дело с внедрением в нашу русскую жизнь – и главным образом в жизнь именно аристократии – вирусов **мистериального эзотеризма**, в свою очередь внутренне пытавшего все без исключения политические идеологизмы, которые были брошены на разрушение нашего государства. Таким образом, очередной проблемой на путях нашей истории стала необходимость **отмежевания плевел от зерна**, для возможности последующего синтеза всего хорошего чужого с хорошим собственным. Примером правильной постановки этой проблемы и его правильного и удачного разрешения является очищение в 19-м веке русского языка от проникших в него в 18-м веке варваризмов, при сохранении и русификации всех нужных иностранных элементов.

К сожалению, в области государственного строительства у нас не оказалось такого блестящего ряда гениальных творцов, как в области литературной. В политике нам не хватило Пушкина. (Вот почему сегодня начинается кампания хрюканья против Пушкина: очень уж опасный пример). Но это не значит, что их вообще не было: когда они появлялись, их систематически или травили, или замалчивали или просто убивали. Как императора Александра Второго и Столыпина. Вина нашего общества в том, что оно не сумело этого предотвратить. Как и всегда, неразрешенная задача привела к новым тупикам и к новым трагедиям. Правильный выход из создавшегося положения возможен только лишь в согласии с общим главным направлением всего нашего исторического пути, без повторения прошлых заблуждений и блужданий.

(«Наша Страна», № 1862, от 5 апреля 1986 г.)

Великая смута

В передовице «Второе смутное время», в номере 2110 «Нашей Страны» от 12-го января сего 1991 года (затем перепечатанной 31-го января в санфранцисской «Русской жизни»), проводится ряд сравнений между современным смутным временем и смутным временем 1598-1613 годов. Одновременно перечисляется и ряд основных различий между ними. Среди последних отмечается тенденция Второго смутного времени *«замутить принципиальные начала, политические и экономические концепции, для того, чтобы нам трудно было найти выход из идеологических лабиринтов, в которых мы оказались»*. Именно это последнее отличие является самым существенным из всех, так как оно не только обеспечивает продление во времени смуты, но также и невозможность выхода из нее.

Действительно, первая смута была поверхностной, формальной. Смута была в государстве, но не в совести и сознании людей, а значит – общества. Поэтому и было так сравнительно легко преодолеть тогдашнюю смуту. Требовался только лишь почин, инициатива. Но когда инициатива была проявлена, все знали, как будут происходить дальше события: народ, по благословению Церкви, стихийно объединится в ополчении вокруг своих самых славных полководцев, затем самозванцы, интервенты и воры будут разгромлены, и, наконец, будет недвусмысленно выражено в конституционных юридических формах демократическое самоопределение нашего народа. Это самоопределение гласило: восстановить наши конституционные политические учреждения и одновременно определить (**не выбрать!**), какой русский род находится в ближайшем родстве с прежде царствовавшей династией московских великих князей и царей, происходившей от Даниила, младшего сына святого Александра Невского. В кристально ясной простоте такой схемы не было никакой внутренней мути, а посему к ней не пристала и никакая муть внешняя. Сегодня, однако, положение совершенно иное. Все начала, понятия, концепции до того извращены, что зачастую под ними подразумевается смысл, диаметрально противоположный их подлинному исконному значению. Даже самые общеупотребительные понятия сегодня извращаются и выворачиваются наизнанку с таким нахальством и с такой наглостью, что даже нет ни времени, ни возможности для соответствующих исправлений и уточнений. Для иллюстрации можно взять хотя бы сегодняшнее извращение следующих понятий: **Россия, государство, вооруженные силы, символика, рыночное хозяйство, мировой порядок**. Действительно, извращение хотя бы этих **шести понятий** автоматически ведет к извращению и всех остальных понятий, связанных с общественной и государственной жизнью нашей страны. Получается новое **вавилонское столпотворение**, когда смешение языков приводит к всеобщему и окончательному разброду. Именно поэтому сегодняшнюю смуту можно назвать великой, потому что она не является поверхностной смутой, а смутой, затрагивающей самые глубокие пласты нашего бытия. Не может быть никакого сомнения, что для преодоления этой современной смуты в первую очередь необходимо установить и попытаться научно проанализировать ее первичные причины. Эти причины можно свести к трем основным группам: 1. Столкновение наших коренных верований с верованиями Запада, начиная с 18-го века. 2. Совпадение начала этого столкновения с зарождением на Западе идеологий, то есть систем домыслов, имеющих своей целью борьбу с верованиями и, в первую очередь, с верованиями, находящимися в согласии с православным христианством. 3. Победа этих идеологий в рамках Западной цивилизации, с одновременным стремлением подчинить себе и все другие цивилизации.

В истории известны и даже хорошо изучены несколько случаев столкновения разных систем верований. Можно в данном случае сослаться на два примера таких столкновений.

До персидских войн для подавляющего большинства греков *«эллинский мир был единственным существующим миром, с его системой верований и нравов»* (Юлиан Мариас, «Введение в Платона», Буэнос Айрес, 1948). Но столкновение с персидским миром (или, вернее, с месопотамским миром, завоеванным персами) открывает перед греками

«существование двух миров, с двумя разными системами верований». (Там же). Это автоматически ведет к глубоким сомнениям, преодолеть которые можно только с помощью **выбора между этими двумя системами**. Причем, говорит Мариас, если даже кто-нибудь и не будет сомневаться в своей системе, он все же должен будет ее **сознательно выбрать** для того, чтобы отождествить себя с ней. Еще до Мариаса другой испанский философ, Хосе Ортега-и-Гассет, изучая проблематику столкновений между двумя разными системами верований, обратил внимание на этимологию понятия «сомнение» во многих языках. Если славянское «со-мнение» является «мнением, наряду с другим мнением», то в испанском «дуда» прямо слышен корень «два», так же как и в немецком «цвей-фель». Сомнение появляется, когда налицо два мнения. Греки, конечно, в данном случае несомненно предпочитали свою систему свободной жизни в рамках своих «полисов» системе колоссальных централизованных и бюрократических восточных государств. (Между прочим, эта проблематика противопоставления свободных государств государствам «вавилонским» возродилась с появлением социалистических государств, причем «вавилонская зараза» коснулась и государств формально не социалистических). Но для того, чтобы прийти к такому решению, или для того, чтобы такое решение оправдать, тогдашним грекам было необходимо пройти через длинный ряд **рассуждений** на эту тему. Сердечный выбор **нуждался в рациональном оправдании**. Это последнее обстоятельство и привело к зарождению новых домыслов, наряду со старыми собственными верованиями (которые к тому же находились в кризисе) и с новыми чужими верованиями. Так зародился рационализм, а через него и первые прообразы идеологий и первые прообразы беспочвенной интеллигенции, в виде софистов. Преодолеть такую смесь верований и домыслов может только строгая наука (в первую очередь, философия и политика), **на основании учета исторического опыта**.

Аристотель хорошо описывает в «Политике» это появление рационалистических утопий в политике. В начале восьмой главы второй книги он описывает первую такую утопию, предложенную Иподамом Милетским, современником Перикла, *«который изобрел планировку городов и спроектировал планы Пирея»* (афинского порта). Он был первым, *«кто пытался говорить о лучшем режиме, не будучи политиком»*. То есть, он был первым **«идиотом»** (профаном) в политике, хотя и был хорошим архитектором. Аристотель описывает «программу» Иподама и одновременно анализирует ее. Согласно Аристотелю, у нее три недостатка: 1. Она слишком отвлеченная, искусственная, сконструированная в голове, в отрыве от действительности. 2. Этим самым она допускает слишком легкое изменение нравов и законов, что чревато страшными последствиями. 3. Она «звучит хорошо в ушах», то есть она демагогична. Эта программа, с ее недостатками, в принципе является **зародышем всех последующих программ**.

Другим примером столкновения различных систем верований является «встреча» римской государственности с греческой культурой, после пунических войн и после завоевания Римом Греции. Эта встреча в начале приняла в самом Риме почти революционный характер. Сенат, рядом постановлений, пытался бороться с греческим культурным влиянием, но в конечном итоге сама история привела к симбиозу этих двух цивилизаций, практически слив их в одну: в греко-римскую цивилизацию, ставшую местом зарождения христианства. Таким образом, перед нами пример третьей альтернативы последствий встреч двух систем верований: не поглощение одной системы другой, не размежевание между ними, но симбиоз. При этом, очень важно не упустить из виду одно обстоятельство, позволившее именно такую альтернативу: **каждая** из двух встретившихся систем сумела **сохранить свои собственные отличительные ценности**. Произошло обоюдное обогащение, за счет кое-каких потерь, но в итоге все же обогащение. Однако, в числе этих потерь не были основные отличительные ценности ни одной из двух встретившихся цивилизаций. Это особенно ясно показано в труде Цицерона «Законы». Цицерон развивает этот диалог, не только внешне имитируя диалоги Платона (он ссылается на Платона и даже называет его «начальником» в познании государства, *principes*

re publicae), но и сам он проявляет себя в них скорее эллином, чем римлянином. За одним исключением: будучи интеллектуально эллином, **в государственном отношении** он остается римлянином. Цицерон, продолжая эллинскую философскую традицию, тоже развивает и предлагает свой проект идеального, наилучшего государства, «аристе политейа». Но оказывается, что его проект этого наилучшего государства не выдуман, не высосан из пальца, как у Иподама Милетского (и даже как у Платона), а списан с римской государственной действительности. Его «республика оптима» есть реальное историческое римское государство. («Республика» обозначало именно римское государство, как в царский, так и в консульский периоды, что Цицерон конкретно уточняет). Цицерон недвусмысленно указывает на корень этой государственности: учрежденные Ромулом, основателем Рима, религиозный авторитет авгуров и политический авторитет сената. Римская **республика является авторитарным строем**, и она немыслима без «авторитета лучших», auctoritas bonorum. Республика – это такой строй, в котором **«народу дается свобода для того, чтобы лучшие обладали авторитетом»** (3, 38). «Власть у народа, авторитет у сената», protestas in populo, auctoritas in senatu, так расшифровывает Цицерон официальное название римской республики: «сенат и народ римский». (См. мою статью «Что такое авторитарный строй», в номере 1557, от 4.1.1980). Таким образом, в греко-римском симбиозе сохраняется римская государственность, с римской символикой, и вообще с римскими государственными и правовыми традициями. Не только вся империя, но и сама Италия становятся двуязычными, но в судопроизводстве и в армии сохраняется только латинский язык. Интересно, что, после падения Рима и западной половины империи в 476 году, этот симбиоз сохраняется в течение целого тысячелетия в восточной половине империи, несмотря на то, что эта половина является греческой. Сами греки называют свою империю и свои законы «ромейскими» и сохраняют римскую государственную символику, которая затем частично переходит и к России.

Встреча западной цивилизации с остальным миром, начатая в процессе колонизации, в конечном итоге обернулась почти повально цивилизационной гегемонией Запада, «прижатием к стенке других культур» и «накидыванием на них политических и экономических сетей», как говорит Тойнби. Как будто бы исключением до сих пор является Япония, только потому, что она сумела до какой-то степени оборонить свое основное государственное начало, заключающееся в непрерывном сохранении традиционной легитимности своей верховной власти. Даже в самый тяжелый в истории Японии момент, в момент капитуляции в 1945 году, это сохранение легитимной верховной власти было единственным условием для «нового симбиоза».

К сожалению, когда Россия и Запад (две дочери принявшей христианство греко-римской цивилизации) снова встретились в начале 18-го века (после разрыва, вызванного татарским игом, углубленного предательством Запада), возможность здорового симбиоза была с самого начала сильно подорвана нашим отступлением от собственного государственного строя. Конечно, легитимная верховная власть тогда была сохранена, но она была полностью оголена уничтожением патриаршества, традиционного верховного государственного совета и земского собора. Взамен наших конституционных политических учреждений, органически развивавшихся от самых истоков нашего исторического бытия, были введены бюрократические учреждения, скопированные с Запада, с совершенно чуждыми для нас государственными и вообще политическими прецедентами. Причем, эти новые привитые нам государственные учреждения у нас были даже полностью нефункциональными, что подтверждается нескончаемым рядом перестроек в области управления государством в течение почти всего 18-го века, пока император Павел не положил им конец возвратом к полной династической легитимности, хотя и без возврата к полноте нашего конституционного строя. (Да и само явление временщиков было бы совершенно невозможным при наличии патриаршества и боярской думы и при возможности созыва в любой момент земского собора).

Этот последний недостаток (отсутствие конституционной полноты) сыграл трагическую роль, когда затем в начале 20-го века наше так называемое «просвещенное» общество толкнуло наше государство не в сторону усовершенствования собственной самобытности, а в сторону дальнейшей имитации Запада. Вместо возвращения полной политической свободы и полной **публичной** политической власти народу (по земскому принципу, от местного самоуправления до земского собора), при восстановлении полного авторитета Церкви (через восстановление Патриаршества), политическая власть была узурпирована самозванцами от политических партий, к тому же не гласно и не публично, то есть антиреспубликански, объединившихся между собой с целью уничтожения нашего исторического государственного строя. На этот раз, в согласии с эволюцией Запада, бюрократический абсолютизм, сдерживаемый легитимной монархией, был подменен ничем не сдерживаемым абсолютизмом партократическим, который затем почти автоматически вылился в идеологический тоталитаризм. Так была разрушена государственная предохранительная оболочка нашей православной христианской культуры, с конечной целью уничтожения последней. (См. мою статью «Макроистория» в номере 1915, от 11.4.1987).

Таким образом, встреча нашей православной русской культуры с современной западной культурой (сильно отступившей от своих собственных христианских корней) не приняла форму положительного симбиоза, потому что мы сами дважды (в начале 18-го и в начале 20-го века) согласились отказаться от нашей политической самобытности. **Теперь мы стоим на пороге третьего, окончательно последнего отказа от собственной политической самобытности**, пытаюсь снова вернуться на прежнюю чужую блевотину.

Положение усугубляется еще тем, что сегодня мы встречаемся не только с системой западных верований, нравов и традиций, но одновременно и с совершенно новой в истории мира системой идеологий. Если раньше, в предыдущие исторические периоды, возникавшие иногда сомнения в правоте (и служебной функциональности) собственных систем верований и нравов приводили к возникновению новых идей-домыслов, то все же последние никогда не сгущались в закрытые, законченные и тотальные системы. Отдельные идеи-домыслы даже могут быть иногда и полезными для естественной органической эволюции системы верований и нравов, являющейся ядром всякой культуры. Но когда вокруг некоторых таких доммыслов, вырванных из культурного контекста, создается закрытая идеологическая система, в замену и противовес этому культурному контексту, тогда зарождается опасность тоталитаризма. Поэтому в древнем мире было много личных тираний, и даже существовали страшные рабовладельческие государства, но не было тоталитаризмов, так как последние возможны только при наличии идеологий. Гитлер и Ленин были бы невозможны без собственных идеологических систем. (Явление идеологий разбирается подробно в моих статьях «Сущность современных идеологий – доммыслы против верований» в номерах 1105, 1106 и 1107 «Нашей Страны», от 27 апреля, 4 и 11 мая 1971 года). Таким образом, преодоление нашей великой смуты будет возможным только при условии одновременного **преодоления нами отрицательного на нас влияния чужих разлагающихся верований и чужих агрессивных идеологий, систематически искажающих все наши начала и концепции.**

(«Наша Страна», № 2120, от 23 марта 1991 г.).

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 34. Буэнос-Айрес, май 2017 года. X год издания. Издается на правах рукописи.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com

При использовании и перепечатке материалов ссылка на источник обязательна.

Все предыдущие номера помещены на блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>